

ВЛАДИМИР ВАСИЛЬЕВ:

Культура. — 1995. — 30 апр. — С. 5.

“Я реалист, стремящийся к идеалу”

Наталья ШАДРИНА

Недавно в Большом театре прошла пресс-конференция. Посвящена она была премьере балета “Ромео и Джульетта”, но вылилась в подробный разговор о жизни театра, точнее — о ее перспективах. Владимир Васильев отвечал на вопросы с невиданным энтузиазмом. Совершенно очевидно, что за год пребывания на посту художественного руководителя — директора ГАБТа, он ничуть не утратил свой пыл и по-прежнему готов двигать вперед эту машину. Все вопросы на пресс-конференции не задашь. Другое дело — после...

— Владимир Викторович, как вы нам сообщили, все планы театра, заявленные на текущий сезон, остаются в силе. (Правда, ни словом не обмолвились о балете “Метель” в постановке Вячеслава Гордеева, которым Большой предполагал отметить юбилей Георгия Свиридова.) А вот газета “Вечерняя Москва”, на вас же ссылаясь в качестве источника информации, перечислила совсем другие названия: “Любовь к трем апельсинам” — в постановке Питера Устинова, “Псковитянка” и совсем уж озадачившие — “Капитанская дочка”, “Преступление и наказание”, “Леди Макбет Мценского уезда”...

— Все будет! Будет вам и обещанная “Богема”, и “Травиата”, и “Укрощение строптивой” Крэнко, и “Метель” — балет одноактный, так что Вячеслав Михайлович добавит к нему еще и “Последнее танго”. Это — в нынешнем сезоне. Все прочее пока — наше прекрасное завтра.

Но ничто не взято с потолка. Я пытаюсь сейчас определить основные направления нашей репертуарной политики, и каждая идея, каждое название — это результат определенного поиска.

Должны в Большом театре творить наши выдающиеся мастера? Конечно, должны. Я пригласил к сотрудничеству Евгения Светланова. И могу трижды поздравить себя и театр с его согласием. Во-первых, в конце нынешнего сезона Евгений Федорович продиржирует “Пиковую даму”. Вольет свежую кровь в этот замечательный, но довольно-таки постаревший наш спектакль. Во-вторых, зная о моем намерении ставить “Лебединое озеро”, он изъявил желание быть дирижером-постановщиком. Главное же — в третьих. Светланов приходит со своим предложением. Поставить в Большом “Псковитянку” — его давняя мечта, и на конец следующего уже сезона мы наметили ее осуществление.

С зарубежными крупными мастерами договориться сложнее. С кем-то у меня есть личный контакт, с кем-то — нет, и планы у всех расписаны на годы вперед, и не привыкли они включать Большой театр в сферу своих интересов. Вывод напрашивается сам: нам необходимы друзья, представители, агенты — назовите, как угодно, в разных странах, которые помогали бы нам завязывать связи с мэтрами и информировали бы нас о появляющейся талантливой молодежи.

Наш давний друг, генеральный секретарь Международного фонда Большого театра в Вене Эдит Яхимович, к примеру, подала идею обратиться к Питеру Устинову: у него поинтересовались, как бы он посмотрел на возможное сотрудничество с нами, и оказалось, что положительно. Сейчас мы находимся в стадии переговоров — я отправил ему письмо и жду ответа. Не предполагаю, конечно, что он сразу же напишет “Встречайтесь, выезжаю”, но в данном случае достичь принципиальной договоренности — уже великое дело.

Репертуарная политика тесно связана с гастрольной. Долгие годы мы выезжали на Запад с русским репертуаром. С одной стороны, это логично. Но с другой, мы как бы сознательно узаконивали свою обособленность. Для того чтобы действительно вписаться Большой в контекст мировой художественной культуры, мы должны предъявлять зрителю самый разнообразный, в том числе западный, репертуар и прежде всего, на мой взгляд, — оригинальные постановки.

Возьмем область балета. Как и обещали, мы будем делать вечер американской хореографии. Баланчин, Роббинс... Нужно это нашим артистам? Безусловно. Нашим зрителям? Разумеется. Но Запад своим исполнением Баланчина мы вряд ли поразим — у них этот стиль в плоть и кровь вошел. А вот если мы продемонстрируем американцам балеты их же хореографов, им самим, быть может, не очень хорошо известных, да поставленные для нас, в расчете на нашу индивидуальность, это уже будет восприниматься совсем по-другому и очень пойдет на пользу имиджу — новому имиджу — Большого. Миша Барышников, с которым мы находимся в постоянном контакте, уже порекомендовал мне нескольких молодых балетмейстеров. И, очевидно, я последую его советам.

— Но кто же все-таки “перечтет” русскую литературу? За этими названиями уже стоят конкретные люди?

— Всех имен пока не назову — я их не довел еще даже до сведения художественного совета.

Ну а суть в том, что театр будет теперь регулярно заказывать музыку. У нас появился консультант по музыке — композитор Эдуард Лазарев, наш управляющий оркестром. Через два месяца будем с ним прослушивать фрагменты оперы “Капитанская дочка”. Надеюсь, мы не ошиблись в выборе автора — либретто во всяком случае он предложил очень интересное.

А сюжет этот, как нельзя лучше, по-моему, подходящий для оперы, предложил я. Через три года грянет юбилей Пушкина — естественно, мы будем проводить фестиваль, и разве не соблазнительно включить в его программу что-то совсем новое!

Идеей балета “Преступление и наказание” давно был болен Михаил Шемякин. Либретто и план сценарического решения у него грандиозные. Я тоже заинтересовался — буду ставить этот балет. Сейчас мы с Лазаревым опять-таки в поисках автора.

Балет “Леди Макбет Мценского уезда” — предложение вдовы Шостаковича Ирины Антоновны. В будущем году исполняется 90 лет со дня рождения Дмитрия Дмитриевича, и ей бы хотелось, чтобы мы отметили юбилей этой постановкой. Вениамин Баснер, ученик Шостаковича, написал симфонию по мотивам “Катерины Измайловой” и желал бы написать балет. Мысль дать иную жизнь этому сюжету в музыке Шостаковича — балетную — мне лично показалась очень любопытной. Георгию Алексидзе, которому я предложил эту постановку, — тоже.

Всем этим планам еще довольно далеко до воплощения, но все-таки это уже кое-что. Уже греет. Ведь когда я пришел в театр, мне просто страшно стало — портфель был пуст: ничего, кроме “Белоснежки” и весьма туманной тогда еще “Хованщины”!

План в таком большом, таком солидном театре нужно составлять на три-четыре года вперед. Вот этим мы сейчас и занимаемся. Моя мечта — сделать Боль-

шой лучшим музыкальным театром мира. Но надеюсь, что по крайней мере смогу заложить фундамент, чтобы те люди, которые придут после меня, не попали в такое же положение, в каком оказался я.

Контрактная система, которую мы начинаем вводить в январе для солистов, — это тоже фундамент. Надо работать на тех же условиях, что и весь мир, — иначе на равных с ним не будем.

— А в театре, между тем, уже начались волнения по этому поводу...

— Меня упрекают в том, что я не сдержал свое слово: обещал плавный переход, а сам начал все рушить. Не уверен, кстати, что был прав, когда обещал, тем не менее переход-то на самом деле будет плавным. Мы вводим поспектакльную оплату, но ведь зарплата, традиционная наша зарплата тоже сохраняется. Так что материально люди сразу станут жить лучше. Конечно, есть такие артисты, которым с самого начала было не место в Большом. Справедливо предполагая, что скорее всего конкурс не пройдет, они-то в основном и поднимают шум. Ну а что нам делать? Сколько

быть с главными героями? Как им “противостоять” своему окружению, не потеряться на его фоне? Многие ветераны поработали над этим спектаклем, передавая свой опыт молодежи, но гениальная Джульетта — Галина Уланова желанная принять участие в репетициях не изъявила... Отказался участвовать в восстановлении знаменитого балета своего отца и Михаил Лавровский. Может быть, не поверил в то, что в нынешнем исполнении спектакль сможет “прозвучать” современно?

— Если и не поверил, то напрасно. Я ведь тоже сначала думал — а не бредовая ли эта идея? Оказалось, нет, ничуть. Спектакль совсем не устарел. Напротив, как раз сейчас снова пришла его пора. Именно потому, что теперь мы устали от выхолащенных балетов, из которых ушел характерный танец, ушли яркие краски, изобретательная режиссерская мысль, — как в свое время устали от драмбалета и захотели “танцевальных” спектаклей. Впрочем, никогда не поздно совершить открытие! Мы помнили гениальную режиссуру и сцену сценарию этого балета, а выяснилось, что он к тому же еще и насквозь танцевален! Наша молодежь с блеском продемонстрировала это. Я доволен работой труппы — на мой взгляд, она смогла вдохнуть в спектакль новую жизнь. Что касается исполнителей главных партий, то им, может быть, и не удалось встать вровень со своими великими предшественниками. Но ведь балет только начинает эту новую свою жизнь, и, уверен, он еще их многому научит.

Галина Сергеевна действительно сомневалась в успехе и считала, что спектакль ставить не нужно, но не участвовала в работе по болезни. Возможно, надеюсь, она еще и будет репетировать с кем-нибудь из участниц.

— Может быть, с Татьяной Чернобровкиной?

— Может быть. Почему бы и нет.

— А от кого исходила идея пригласить эту балерину?

— От меня. Я ведь хорошо ее знаю — она была одной из Джульетт в моей собственной постановке “Ромео”. Очень мне нравится и другая моя Джульетта — Наталия Ледовская. Не уйди она в декретный отпуск, я бы пригласил и ее.

— Значит, будете переманивать к себе артистов из Театра Станиславского и Немировича-Данченко?

— Нет. Мы как раз предполагаем подписать соглашение с этим театром. Будем сообщать друг другу о своих репертуарных планах, чтобы не получилось так, как в этом сезоне, — мы ставим “Богему”, и они. Мы собираемся дать “Укрощение строптивой” в постановке Крэнко, и у них Брянцев ставит свое “Укрощение”, конечно, это совершенно разные балеты, но тем не менее. Другой пункт соглашения — обмен артистами.

— В спектаклях Большого стали появляться и артисты “Русского балета” Вячеслава Гордеева — Гурьянова, Казанцева, Тагирова... Как вы к этому относитесь?

— Нормально. К кому-то из них у меня есть претензии. Но я не всегда бываю доволен и нашими ведущими солистками. С балеринами у нас проблема, так почему бы не приглашать танцовщиц из других трупп?

— Но эти танцовщицы, возможно, в конце концов окажутся в труппе Большого?

— Если решат принять участие в конкурсе и пройдут его. Но оценивать их будут столь же беспристрастно, как и всех прочих. Не надо думать, будто Гордеев просто-напросто вливает свою труппу в Большой.

— Но все-таки Вячеславу Михайловичу предоставлена возможность заниматься своей труппой, и он по-прежнему ее художественный руководитель. А когда Павел Коган в ответ на предложение возглавить оркестр Большого театра выдвинул условие, что он должен остаться руководителем и своего коллектива, ему было отказано...

— Гордеев остался художественным руководителем труппы “Русский балет” только на ее афишах. И обещал мне, что афиши с указанием такого его качества больше выпускаться не будут.

— Владимир Викторович, не находите ли вы, что в соединении художественного руководителя с директором изначально заложено некое противоречие? Не спорят ли они в вас друг с другом?

— Спорят. Но я стараюсь прислушиваться и к тому, и к другому.

— Что оказалось для вас самым трудным на вашем посту?

— Может быть, как раз вот это противоречие. Реакцию на премьеру “Белоснежки” — спонтанное громкое признание неудачи — явно спровоцировала возмущавшаяся художественная сторона моей натуры. Спектакль действительно не назовешь творческой победой, но если бы во мне возобладали директор, очевидно, я дал бы понять о своем негативном отношении иначе.

Директором театра, как я убедился, быть трудно. Сейчас я осваиваю эту хитрую науку. Разумеется, прислушиваюсь к советам, в первую очередь, исполнительного директора — Владимира Коконина.

А неожиданным подстерегают на каждом шагу. Вывесили мы, например, в нашем белом фойе картины Шемякина — я давно мечтал об организации выставок в театре. Оказывается, это самоуправство, должны были прежде спросить разрешения у правительства.

Трудность заключается и в том, что слишком многим приходится заниматься. Например, следить за тем, чтобы не использовалось без нашего ведома имя театра. Недавно пришло сообщение из Лос-Анджелеса о гастролях “звезд” Большого балета, вызвавших самую негативную реакцию критики. На самом деле, были показаны спектакли Юрия Григорovichа в исполнении Театра Башкортостана, но с участием бывших артистов Большого — тех самых печально знаменитых забастовщиков, с которыми мы наконец перестали судиться просто потому, что у нас нет на это времени. Юрий Григорovich, бесспорно, заслужил звание “звезды” Большого театра, а остальные?

— Но ведь некоторые из них еще числятся в труппе Большого?

— Формально. Не говоря уже о том, что башкирский театр не упоминается вовсе. Значит, Большому и отвечать за это “высокое качество”?

Ну а самая главная проблема — постоянно мучающий вопрос, где взять деньги. Для нормального функционирования театра, для того, чтобы мы могли выпускать полноценные спектакли, нам нужны суммы, сравнимо с которыми наша дотация не поддается.

— Ищите спонсоров?

— Ищу. И, кроме того, вкладываю еще и свои собственные деньги.

— Вы идеалист?

— Не нравится мне этот вопрос. Я хотел бы надеяться, что я реалист. Но стремящийся к идеалу.

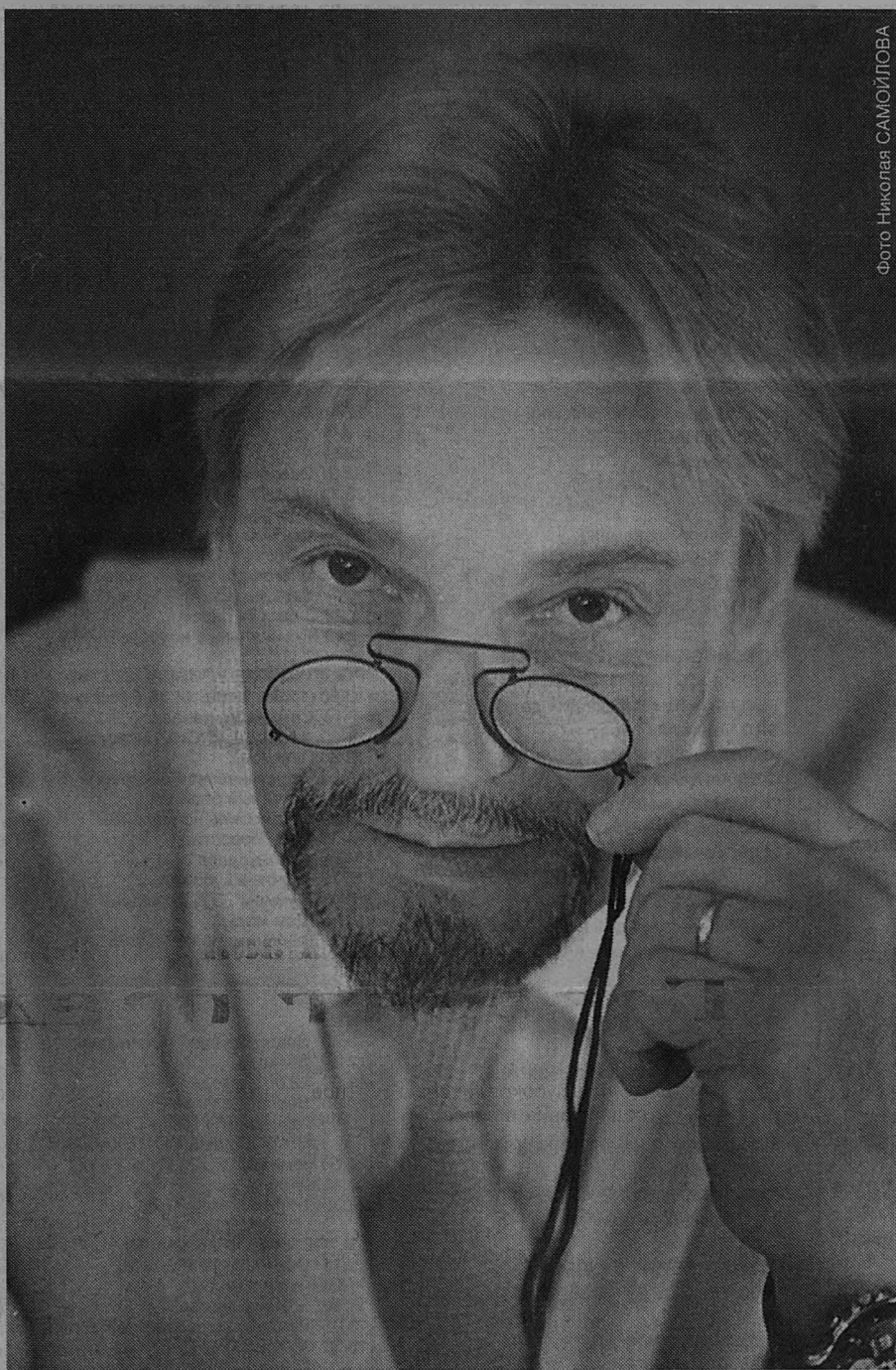

Фото Николая САМОЙЛОВА

же может театр тащить этот груз на себе!

Но мы думаем о социальной защите. Артисты, утратившие форму, не соответствующие в нынешнем своем состоянии уровню Большого театра, получат возможность доработать до конца сезона и за это время подыскать себе другую работу.

— А как быть с прославленными мастерами? Неизбежно возникает мотив этического свойства: после всех заслуг — и на конкурс, и кто-то тебя будет еще оценивать... Однажды уже было подобное. Жуткий скандал, разразившийся тогда в балетной труппе, закончился вынужденным уходом из театра Васильева, Максимовой, Плисецкой...

— Что значит “кто-то будет оценивать”? Если ваш художественный руководитель для вас всего лишь “кто-то”, то как это вообще соотносится с вашим желанием работать под его началом? Вот состав нашей общей конкурсной комиссии: председатель — Васильев, далее — Коконин, Феранец, Руденко, Гордеев, Бархин, Лыков, Чернышев, Архипова, Моисеев, Светланов. Если все эти люди не сочтут, что вы — тот гений, которому подвластно все, может быть, стоит и прислушаться к их мнению?

Да и что, в конце-то концов, такого унижительного в этом конкурсе? Настоящий, в полном смысле этого слова, конкурс предстоит пройти только артистам “со стороны”. Им действительно будет предложено продемонстрировать свои возможности. А тех, кто работает в театре, мы и так знаем. Никто не попросит их спеть или станцевать что-нибудь специально перед комиссией. Просто процедура такова — вы подписываете документ, в котором говорится, что ваша штатная должность упраздняется, а потом подаете заявление на конкурс.

Комиссия рассматривает ваш послужной список и предлагает вам контракт — сугубо индивидуальный. В нем все будет указано — сумма вашего гонорара, количество выступлений за сезон, даты ваших спектаклей, ваши роли. Разумеется, какой-то пункт может вас не устроить. Но контракт на то и контракт — он предполагает торг. И комиссия по возможности постарается учесть ваши интересы, ведь, повторяю, все решается в индивидуальном порядке.

Что касается примера из моей биографии, то он, по-моему, не корректный — не адекватный, во всяком случае. Тогда диктатор расправлялся с ему не угодными. И лучше б уж и действовал диктаторскими методами — честнее бы было. Так нет, создал видимость демократии. Был собран худсовет, который, естественно, повторил то, что говорил главный. Вот почему худсовет, состоящий из великих театра сего, всегда представлялся мне нелепостью. В худсовете должны быть, как теперь, — худруки, люди, с одной стороны, независимые, сами наделенные “особыми” полномочиями, а с другой, единоличной и безграничной властью не обладающие. У “главного” какие задачи? Себя пропагандировать. А у художественного руководителя? Труппу!

— Владимир Викторович, вы уже ответили на недоуменный вопрос критиков, как это театр отважился взяться за постановку балета Лавровского “Ромео и Джульетта” — спектакля, утверждающего торжество характерного танца, традиции которого Большим в значительной степени утрачены. Именно для того и взялся, чтобы не утратить окончательно. Но ведь потеря навыков актерского мастерства и отсутствие яркой индивидуальности стало проблемой и ведущих танцовщиков ГАБТа. Как